

Верхи и низы, русской культуры.

(Этническая основа русской культуры.)

Всякаи дифференцированная культура неизбѣжно заключаетъ въ себѣ двѣ обязательныя части, которыя образно можно назвать „верхомъ“ и „низомъ“ зданія данной культуры. Подъ низомъ мы разумѣемъ тотъ запасъ культурныхъ цѣнностей, которымъ удовлетворяютъ свои потребности наиболѣе широкіе слои національнаго цѣлаго, т. наз. „народныя массы“. Поскольку эти цѣнности создаются въ самой средѣ народныхъ массъ, онѣ сравнительно элементарны и не носятъ на себѣ рѣзкаго отпечатка индивидуальнаго творчества. Когда же нѣкоторыя изъ нихъ проникаютъ въ низы „изъ верхомъ“, онѣ въ силу самой этой миграціи неизбѣжно слегка обезличиваются и упрощаются, приспособляясь къ общему контексту другихъ цѣнностей исключительно „нижняго“ происхожденія. Нѣсколько иной характеръ носятъ „верхи“ культурнаго зданія. Культурныя цѣнности нижнихъ слоевъ способны удовлетворить далеко не всякаго представителя даннаго народа. Многіе, не удовлетворяясь формой той или иной общепринятой цѣнности, стараются усовершенствовать ее, приспособивъ къ своимъ личнымъ вкусамъ. Можетъ статься, что въ такомъ измѣненномъ видѣ эта цѣнность окажется почему либо недоступной для широкихъ слоевъ населенія, но придется по вкусу тѣмъ частямъ національнаго цѣлаго, которыя въ какомъ либо отношеніи занимаютъ въ этомъ цѣломъ господствующее положеніе. Въ такомъ случаѣ, эта цѣнность попадаетъ въ запасъ „верховъ“ культуры. Такимъ образомъ цѣнности „верхняго запаса“ создаются либо самими господствующими частями національнаго цѣлаго, либо для этихъ частей, и отвѣчаютъ всегда болѣе утонченнымъ потребностямъ, болѣе требовательнымъ вкусамъ. Вслѣдствіе этого онѣ всегда сравнительно сложнѣе и менѣе элементарны, чѣмъ цѣнности нижняго запаса. Поскольку, съ одной стороны, отправной точкой для оозданія той или иной цѣнности верхняго запаса можетъ явиться какая нибудь цѣнность запаса нижняго, а, съ другой стороны, самая

народныя массы постоянно вводятъ въ свой бытовой обиходъ цѣнности заимствованныя въ упрощенномъ видѣ изъ верхняго запаса, — можно сказать, что въ нормальной культурѣ между верхомъ и низомъ всегда существуетъ извѣстный обмѣнъ и взаимодействіе. Обмѣнъ этотъ увеличивается еще и тѣмъ, что сама господствующая часть національнаго цѣлаго не есть величина неизмѣнная и постоянная. Она является „господствующей“ лишь пока обладаетъ „престижемъ“, т. е. способностью вызывать къ себѣ подражаніе, какъ въ прямомъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ „симпатическаго подражанія“ — почтенія и повиновенія. Но, съ теченіемъ времени, — „престижъ“ можетъ утратиться и перейти къ какой нибудь другой соціальной группѣ, прежде принадлежавшей скорѣе къ низамъ, и тогда эта новая аристократія вынесетъ съ собою на верхи культурнаго зданія многія цѣнности изъ нижняго запаса.

Помимо этого внутренняго культурнаго взаимодействія верховъ и низовъ, каждая изъ этихъ частей даннаго культурнаго цѣлаго питается и заимствованиями извнѣ, изъ культуръ иноземныхъ. При этомъ можетъ случиться, что тотъ иноземный источникъ, изъ котораго черпаютъ культурныя цѣнности данные верхи, не совпадаетъ съ тѣмъ иноземнымъ источникомъ, который питаетъ соответствующіе низы. Если заимствованныя цѣнности не противорѣчатъ общему психическому облику даннаго національнаго цѣлаго и при усвоеніи органически перерабатываются, то, въ силу естественнаго внутренняго взаимодействія, между культурными верхами и низами снова устанавливается извѣстная равнодѣйствующая. Но такой равнодѣйствующей можетъ и не установиться, въ каковомъ случаѣ между верхами и низами образуется культурный разрывъ и національное единство нарушается. Это всегда свидѣтельствуетъ о томъ, что источникъ иноземнаго вліянія слишкомъ чуждъ данной національной психикѣ.

Размышляя надъ русской культурой, мы должны прежде всего отдать сабѣ точный отчетъ въ этнографическомъ характерѣ ея низовъ и верховъ и ясно представить себѣ связь этихъ ея частей съ другими иноплеменными культурами.

Основнымъ элементомъ, образующимъ русскую національность, безусловно является элементъ славянскій. О древнѣйшемъ обликѣ нашихъ славянскихъ предковъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе лишь по даннымъ языка. Какъ извѣстно, „общеславянскій праязыкъ“, къ которому восходятъ всѣ

славянскіе языки, есть одинъ изъ потомковъ „общеиндоевропейскаго праязыка“, возстанавливаемого наукой при помощи сравнительнаго изученія всѣхъ его потомковъ. Теперь уже давно оставленъ взглядъ на этотъ индоевропейскій праязыкъ, какъ на нѣчто вполне однородное. Всѣ лингвисты согласны съ тѣмъ, что въ праязыкѣ уже существовали различія между діалектами, причемъ съ теченіемъ времени эти различія, все усиливаясь, привели къ окончательному распаденію праязыка и превратили отдѣльные его діалекты въ самостоятельные языки. Говорить, что общеславянскій праязыкъ есть потомокъ индоевропейскаго праязыка, значитъ утверждать, что въ этомъ послѣднемъ существовалъ особый „праславянскій“ діалектъ, превратившійся съ теченіемъ времени въ особый самостоятельный языкъ. Особенности этого праславянскаго діалекта, отличавшя или сближавшя его съ другими діалектами индоевропейскаго праязыка, могутъ быть возстановлены наукой, и это и есть то самое древнее, что мы можемъ знать о предкахъ славянъ. Все, что мы знаемъ о діалектахъ индоевропейскаго праязыка, позволяетъ намъ утверждать, что праславянскій діалектъ вмѣстѣ съ наиболѣе къ нему близкимъ „прабалтійскимъ“¹⁾, занималъ нѣкоторое срединное положеніе. На югѣ къ нему примыкали діалекты праиллирійскіе и прафракійскіе, очень мало намъ извѣстные. На востокъ праславянскій діалектъ соприкасался съ очень однородной группой праиндоиранскихъ діалектовъ, объединенныхъ цѣлымъ рядомъ деталей произношенія, грамматики и словаря. Наконецъ, на западѣ славяне граничили съ группой западно-индоевропейскихъ діалектовъ (прагерманскимъ, праиталійскимъ²⁾ и пракельтскимъ), которые представляли изъ себя гораздо менѣе однородное цѣлое, чѣмъ діалекты праиндоиранскіе, но все же были объединены другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ произношенія, грамматики и словаря.

Благодаря своему срединному положенію праславянскіе діалекты въ однихъ своихъ особенностяхъ сходились съ праиндоиранскими, въ другихъ — съ западно-индоевропейскими, иногда играя роль посредниковъ между этими двумя группами индоевропейскихъ

) „Балтійскими“ языками называютъ близко родственные между собой языки литовскій, латышскій и древнепрусскій (вымершій въ XVII в.).

²⁾ Подъ „италійскими“ языками разумѣютъ, кромѣ языка латинскаго, еще нѣсколько другихъ языковъ Аппенинскаго полуострова, близкихъ къ латинскому: главнѣйшіе изъ нихъ — умбрскій и осскій.

говоровъ. Въ отношеніи произношенія праславянскіе діалекты объединялись съ праиндоиранскими нѣкоторыми общими измѣненіями согласныхъ, а съ западно-индоевропейскими — м. б. только извѣстными оттѣнками произношенія нѣкоторыхъ гласныхъ. А т. к. согласныя вобщемъ больше поражаютъ слухъ, нежели гласныя, то надо думать, что общее внѣшнее впечатлѣніе отъ индоевропейской рѣчи въ праславянскомъ произношеніи скорѣе напоминало восточный (праиндоиранскій) выговоръ, чѣмъ выговоръ западный. Въ отношеніи грамматики особой близости праславянскаго діалекта съ праиндоиранскимъ повидимому не наблюдалось. Но и съ западно-европейской группой праславянскіе діалекты связывались скорѣе общими утратами нѣкоторыхъ старыхъ грамматическихъ категорій или смѣшеніемъ первоначально различныхъ формъ, чѣмъ созданіемъ новыхъ формъ. Вобщемъ, въ отношеніи грамматики, праславянскіе діалекты вмѣстѣ съ наиболѣе къ нимъ близкими прабалтійскими представляютъ изъ себя совершенно особый своеобразный типъ.

Для опредѣленія отношенія между сосѣдними языками или діалектами громадное значеніе имѣетъ изученіе словарей. Къ сожалѣнію для наиболѣе древнихъ эпохъ мы лишены объективной возможности отличать слова заимствованныя отъ словъ исконно родственныхъ. Все же иногда заимствованіе менѣе вѣроятно, чѣмъ исконное родство. Просматривая списокъ словъ и корней, общихъ у славянъ съ индоиранцами и не извѣстныхъ другимъ индоевропейскимъ языкамъ (кромѣ, отчасти, балтійскихъ), мы находимъ здѣсь такіе предлоги какъ слав. къ, ради, безъ, съ, (въ качествѣ предлога-приставки), мѣстоимѣнія овъ, онъ, вьсь (весь) союзъ а, особая отрицательная частица ни (ср. особенно ничто — авестійск. naesi), нарѣчіе явѣ, частица бо, которые, — разумѣется, принадлежатъ къ запасу исконно-родственныхъ, а не заимствованныхъ словъ. Ни съ однимъ изъ другихъ индоевропейскихъ діалектовъ праславянскіе и прабалтійскіе говоры не представляютъ такого детальнаго сходства въ области запаса подобныхъ несамостоятельныхъ словечекъ, столь характерныхъ и важныхъ для каждаго языка. Это позволяетъ предполагать особенно тѣсную связь между праславянскими и праиндоиранскими діалектами. Среди прочихъ общихъ этимъ двумъ диалектическимъ группамъ элементовъ словаря много такихъ словъ, которыя по своему значенію легко могли быть заимствованы однимъ діалектомъ у другого. Эти слова глубоко характерны. Цѣ-

дый рядъ изъ нихъ относится къ терминологіи религіозной. Въ качествѣ такихъ обычно приводятъ (вслѣдъ за французскимъ ученымъ А. Meillet) слав. богъ, святъ (гдѣ „я“ по русски изъ „малаго юса“), слово, которые сопоставляются съ древнеиранскими *bagā srenta srauañ*. Замѣчательно, что здѣсь имѣется совпаденіе именно славянскаго и иранскаго (безъ участія индійскаго; балтійскіе языки изъ этихъ трехъ словъ знаютъ лишь второе). Здѣсь умѣстно вспомнить, что индоевропейское слово *deiwos*, имѣющее во всѣхъ другихъ языкахъ значеніе „богъ“ (лат. *deus*, древнеинд. *dēvas*, древне-исландск. *týr*, мн. ч. *tiwar* и т. д.), въ славянскихъ и иранскихъ языкахъ обозначаетъ злое мифологическое существо: авест. *daevo*, новоперс. *dēv* (ср. *Asmodev*), древнерусск. дивъ (въ „Словѣ о полку Игоревѣ“), южнослав. дива „вѣдьма“ самодива, далѣе дивій, дивъ „дикий, варварскій“. Для иранцевъ это измѣненіе значенія обычно объясняется реформой Заратуштры (Зороастра), который, признавъ единственнымъ истиннымъ богомъ Ахуру Мазду (Ормазда), всѣхъ прочихъ боговъ объявилъ демонами, такъ что самый терминъ *daevo* получилъ значеніе „демонъ“, а „богъ“ сталъ обозначаться другими словами (въ томъ числѣ и *bagā*). Надо думать, что предки славянъ такъ или иначе принимали участіе въ той эволюціи религіозныхъ понятій, которая у ихъ восточныхъ сосѣдей, праиранцевъ, въ концѣ концовъ привела къ реформѣ Заратуштры. При такихъ условіяхъ весьма вѣроятнымъ становится предположеніе А. Meillet о тождествѣ славянскаго глагола вѣрить съ авестійскимъ *vārayaiti*, означающимъ тоже „вѣрить“, но имѣвшимъ первоначально значеніе „выбирать“, т. к. по ученію Заратуштры истинно вѣрующей есть тотъ, который сдѣлалъ правильный „выборъ“ между добрымъ богомъ (Ормаздомъ) и злымъ (Ариманомъ). При такомъ сходствѣ религіозной терминологіи праславянскаго и праиндоиранскаго діалекта особое освѣщеніе получаютъ и нѣкоторыя другія спеціальныя совпаденія словарей обоихъ діалектовъ. Такъ, оказывается, что славянское зоветь, зъвати имѣетъ параллель кромѣ балтійскихъ языковъ еще только въ индоиранскомъ, гдѣ соотвѣтствующій глаголъ особенно употребителенъ въ техническомъ значеніи „призвать бога“. Также обстоитъ дѣло съ славян. свѣтъ, свѣтъѣти, что становится понятнымъ, если вспомнить роль представленія о „свѣтѣ“ и „сіяніи“ въ индоевропейской мифологіи. Слав. съдравъ находитъ болѣе или менѣе точную па-

раллель лишь въ древнеперсидскомъ: вспомнимъ, что „о здравіи“ чаще всего молятся. Слав. бояти ся, кромѣ литовскаго языка, встрѣчается еще только въ древнеиндійскомъ: въ общемъ контекстѣ религіозной терминологіи и это слово укладывается безъ труда. Интересныя соображенія возникаютъ при размышленіи надъ тѣмъ фактомъ, что славянское шуй („лѣвый“) находитъ параллель лишь въ индоиранскихъ языкахъ: суевѣрное отношеніе къ лѣвой сторонѣ достаточно извѣстно, точно такъ же, какъ обычай обозначать „страшное“ понятіе особыми словами (т. наз. „словарные табу“). Вообще, можно сказать, что среди спеціальныхъ совпаденій праславянскаго словаря съ праиндоиранскимъ, термины, такъ или иначе связанные съ религіозными переживаніями, представляютъ очень значительный процентъ.

Совершенно иной характеръ носятъ спеціальныя совпаденія праславянскаго языка съ западноиндоевропейскимъ. Такихъ совпаденій м. б. и больше, чѣмъ съ праиндоиранскимъ, но среди нихъ прежде всего нѣтъ тѣхъ интимныхъ словечекъ, вродѣ союзовъ, предлоговъ и проч., которые играютъ такую видную роль въ жизни повседневнаго языка. Рѣшительно преобладаютъ слова съ техническимъ значеніемъ, имѣющія отношеніе къ хозяйственной жизни: изъ существительныхъ — сѣмя, зръно, брашно, лѣха (грѣда), яблѣко, прася (поросенокъ), бобъ, сѣкыра, шило, трудъ; изъ глаголовъ — сѣяти, ковати, плести, сѣщи (сѣчь, высѣкать, отсѣкать) — имѣютъ точныя параллели, кромѣ балтійскихъ языковъ, лишь въ языкахъ кельтскихъ, италійскихъ и германскихъ. Прилагат. добръ (нѣм. *tapfer*, латин. *faber* изъ индоевр. *dhabros*) первоначально было лишено этического смысла и обозначало чисто техническую „добродѣтель“, ловкость, приспособленность къ извѣстной работѣ. Старымъ социальнымъ бытомъ вѣетъ отъ словъ гость (нѣм. *gast*, лат. *hostis*), мѣна, длѣгъ (долгъ), извѣстныхъ лишь славянамъ, италійцамъ и германцамъ, м. б. и отъ слова дѣлъ (дѣлить, удѣлъ, надѣлъ), имѣющаго точную параллель лишь на германской почвѣ (нѣм. *Teil*). Остальныя слова, встрѣчающіяся лишь у славянъ и западныхъ индоевропейцевъ, менѣе характерны, т. какъ обозначаютъ предметы внѣшней природы, при чемъ ихъ общность объясняется общими географическими условіями, (море, мѣхъ = мохъ, дроздъ, оса, сръшень = шершень, ельха = ольха, ива, сѣверъ), либо части тѣла (лядвѣя, брада); обѣ эти категоріи представлены и въ запасѣ славянско-индоиранскихъ совпаденій

слав. гора = авест. gairi, древнеинд. giri; слав. грива, ста, власъ = древнеинд. grīva „шея“, ôshtha „ротъ“, авест. vareša „волосъ“).

Весьма вѣроятно, что праславянскіе діалекты, кромѣ связей съ востокомъ и западомъ, имѣли и спеціальныя связи съ югомъ, съ діалектами праэракійскимъ, праиллирійскимъ, во всякомъ случаѣ, съ тѣмъ діалектомъ, изъ котораго позднѣе развился албанскій языкъ. Къ сожалѣнію, албанскій языкъ, въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, представляется языкомъ сильно смѣшаннымъ: въ его словарѣ элементы иноземные (романскіе, греческіе, турецкіе и ново-славянскіе) рѣшительно преобладаютъ надъ туземными, которыхъ осталось совсѣмъ мало. Языки древнихъ эракійцевъ и иллирійцевъ намъ почти совсѣмъ неизвѣстны. Т. о., о характерѣ связи праславянскихъ діалектовъ съ ихъ южными сосѣдями мы ничего опредѣленнаго не знаемъ.

Къ концу индоевропейской эпохи, т. е. къ тому моменту, когда праславянскій діалектъ обособился въ самостоятельный языкъ, славянамъ предстояло произвести выборъ между направленіями связи съ востокомъ, югомъ и западомъ. Мы видѣли, что „душой“ славяне тянули къ индоиранцамъ, „тѣломъ“, въ силу географическихъ и матеріально-бытовыхъ условій, — къ западнымъ индоевропейцамъ. Индоиранцы къ тому времени, вѣроятно, уже переселились далеко отъ славянъ на юго-востокъ и больше не сосѣдили непосредственно съ славянами, отдѣленные отъ этихъ послѣднихъ неиндоевропейскими племенами (угрофиннскими, тюркскими и отчасти „кавказскими“).

Первое время послѣ окончательнаго обособленія общеславянскаго праязыка отъ прочихъ вѣтвей индоевропейской семьи, предки славянъ довольно долго продолжали испытывать сильное вліяніе западныхъ индоевропейцевъ, окончательно уже раздѣлившихся на три лингвистическія особи: германцевъ, кельтовъ и италійцевъ (позднѣе романцевъ). Древнѣйшіе германскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ общеславянскій праязыкъ, по тѣмъ категоріямъ значенія, къ которымъ онѣ относятся, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ лексическихъ элементовъ, которые и раньше были общими у праславянскихъ діалектовъ съ празападноиндоевропейскими. Это, главнымъ образомъ, предметы хозяйственные, термины, относящіеся къ торговлѣ и государственному быту, наконецъ, названія оружія. Позднѣе къ этимъ словамъ присоединяются и термины христіанской религіи, приходящіе къ славя-

намъ первоначально довольно кружнымъ путемъ, отъ грековъ и римлянъ черезъ германцевъ (црькы, постъ, коупель) или черезъ романцевъ (крижь, кръст, коумь), еще позднѣе — прямо отъ грековъ.

Наконецъ, по окончаніи этой эпохи общеславянскаго единства, славяне раздѣляются на болѣе мелкія группы — западную, южную и восточную, каждая изъ которыхъ воплощаетъ какъ бы особую „оріентацію.“

Культурная фізіономія славянства, т. о., была предрѣшена съ самаго начала, еще тогда, когда предки славянъ являлись лишь частью общей массы индоевропейцевъ и говорили еще на діалектѣ общеиндоевропейскаго праязыка. Уже тогда срединное положеніе этихъ племенъ вызывало въ нихъ тенденціи къ связи то съ востокомъ, то съ западомъ, то съ югомъ.

Позднѣ эти тенденціи дифференцировались въ связи съ дифференціаціей самого славянства, и въ результатѣ каждая изъ вѣтвей славянства сохранила за собой одну изъ этихъ тенденцій.

Западные славяне примкнули къ романогерманскому міру. Правда, этотъ міръ не смотрѣлъ на нихъ какъ на вполнѣ полноправныхъ членовъ своего семейства. Западные славяне подвергались онѣмеченю и истребленю. Когда то эти славяне занимали всю восточную половину современной Германіи вплоть до Эльбы и до Фульды (въ Гессенѣ); теперь же отъ всей этой массы западныхъ славянъ остались только Польша, Чехія и небольшой островокъ лужичанъ, окруженный нѣмцами. И все же, несмотря на такое незавидное положеніе западныхъ славянъ въ романогерманскомъ мірѣ и на то, что вполнѣ своими ихъ не считали, они довольно органически усвоили романогерманскую культуру и по мѣрѣ силъ участвовали въ ея развитіи. Умственному перевороту, ознаменовавшему собой начало т. наз. „новой исторіи“ романогерманскаго міра, въ значительной мѣрѣ, способствовала дѣятельность двухъ западныхъ славянъ, — чеха Яна Гуса и поляка Николая Коперника.

Южные славяне вошли всецѣло въ сферу вліянія Византіи и, вмѣстѣ съ другими племенами Балканскаго полуострова, участвовали въ созданіи особой „балканской культуры“, эллинистической въ своихъ верхахъ, а въ низахъ не поддающейся болѣе детальному этнологическому опредѣленю, въ виду того, что роль отдѣльныхъ этническихъ элементовъ, ее создавшихъ, до сихъ поръ еще недостаточно изучена. Усвоеніе духа Византійской культуры и здѣсь

шло органически, по крайней мѣрѣ до начала шовинистическихъ происковъ греческихъ „фанаріотовъ“ (уже въ эпоху турецкаго владычества), стремившихся замѣнить это органическое усвоеніе и свободное сотрудничество механическимъ подчиненіемъ.

У восточныхъ славянъ культурныя оріентаціи носили гораздо менѣе опредѣленный характеръ. Не соприкасаясь непосредственно ни съ однимъ изъ очаговъ индоевропейской культуры, они могли свободно выбирать между романогерманскимъ „западомъ“ и Византіей, знакомясь съ тѣмъ и другимъ, главнымъ образомъ, черезъ славянское посредство. Выборъ былъ сдѣланъ въ пользу Византіи и далъ первоначально очень хорошіе результаты. На русской почвѣ Византійская культура развивалась и украшалась. Все получаемое изъ Византіи усваивалось органически и служило образцомъ для творчества, приспособлявшаго всѣ эти элементы къ требованіямъ національной психики. Это относится особенно къ области духовной культуры, къ искусству и религіозной жизни. Наоборотъ, все получаемое съ „запада“—органически не усваивалось, не вдохновляло національнаго творчества. Западные товары привозились, покупались, но не воспроизводились. Мастера выписывались, но не съ тѣмъ, чтобы учить русскихъ людей, а съ тѣмъ, чтобы выполнять заказы. Иногда переводились книги, но не порождали соотвѣтствующаго рода національной литературы. Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, лишь общіе штрихи, а не детали. Исключеній изъ общаго правила было, конечно, очень много, но въ общемъ все византійское несомнѣнно усваивалось въ Россіи легче и органичнѣе, чѣмъ все западное. Напрасно было бы объяснять все это однимъ лишь суевѣрнымъ мизонеизмомъ. Въ самомъ этомъ „суевѣріи“ было инстинктивное ощущеніе репульси къ романогерманскому духу, сознаніе своей неспособности творить въ этомъ духѣ. И въ этомъ отношеніи восточные славяне являлись вѣрными потомками своихъ доисторическихъ предковъ—тѣхъ носителей праславянскаго діалекта индоевропейскаго праязыка, которые, какъ показываетъ изученіе словаря, не чувствовали духовной близости къ западнымъ индоевропейцамъ и въ духовномъ отношеніи оріентировались на востокъ. У западныхъ славянъ эта психическая особенность была подавлена благодаря долгому непосредственному общенію съ германцами, у восточныхъ же она усугубилась отчасти, м. б., благодаря антропологическому смѣшенію съ угрофиннами и тюрками.

Такое положеніе дѣла, однако, рѣзко измѣнилось, благодаря реформѣ Петра Великаго. Съ момента этой реформы русскіе дол-

жны были проникнуться романогерманскимъ духомъ и творить въ этомъ духѣ. Изъ предыдущаго явствуетъ, что къ успѣшному выполненію этой задачи русскіе были органически неспособны. И дѣйствительно, если Россія до Петра Великаго по своей культурѣ могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодотворной продолжательницей Византіи, то послѣ Петра Великаго, вступивъ на путь романогерманской „оріентаціи“, она оказалась въ хвостѣ европейской культуры, на задворкахъ цивилизаціи. Нѣкоторые основные движущіе факторы европейской духовной культуры (напр. европейское правосознаніе и „государственное мышленіе“) русскими верхами усваивались плохо, народомъ совсѣмъ не усваивались. Отсутствіе нѣкоторыхъ первостепенно-важныхъ для романогерманцевъ психологическихъ способностей давало себя чувствовать на каждомъ шагу. И потому то число настоящихъ вкладовъ русскаго генія въ „сокровищницу европейской цивилизаціи“ осталось ничтожнымъ по сравненію съ массой иностранныхъ культурныхъ цѣнностей, непрерывно механически пересаживаемыхъ на русскую почву. Попытки органической переработки романогерманскихъ культурныхъ цѣнностей и выявленія самобытнаго индивидуальнаго творчества, въ рамкахъ опредѣленной европейской формы, въ Россіи дѣлались неоднократно, особенно въ области духовной культуры. Однако, только исключительно геніальнымъ личностямъ удавалось создавать въ этихъ рамкахъ цѣнности, приемлемыя не для одной Россіи, а и для „Запада“, и явный, подавляющій перевѣсъ былъ всегда на сторонѣ простаго, почти механическаго перениманія и подражанія. Слѣдуетъ замѣтить, что когда какой нибудь русскій талантъ или геній пытался, оставаясь въ рамкахъ европейской культуры, дать что-нибудь національно-самобытное, онъ большею частью вводилъ въ свое творчество чуждый романогерманскому міру византійскій „русскій“ или „восточный“ (особенно въ музыкѣ) элементъ. Благодаря этому настоящій романогерманецъ пріемлетъ русское творчество какъ экзотику, которой можно любоваться издали, не сливаясь съ ней и не переживая ее. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія подлинной самобытности, такая смѣшанная цѣнность тоже не вполне приемлема, и чуткій русскій человекъ всегда ощущаетъ въ ней нѣкоторую фальшь. Фальшь эта — отчасти отъ неправильнаго пониманія „русской“ стихіи („дю-рюссъ“), отчасти отъ несоотвѣтствія между формой и содержаніемъ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ усилія русской интеллигенціи (въ широкомъ смыслѣ этого слова), двѣ пропасти, вы-

рытыя Петромъ Великимъ, одна — между „допетровской“ Русью и „послѣпетровской“ Россіей, другая — между народомъ и образованными классами, остаются незаполненными и зіяютъ и по настоящее время. Даже чуткая душа великихъ художниковъ неспособна была перекинуть мостъ черезъ эти пропасти, и музыка Римскаго-Корсакова все таки принципиально отличается отъ подлинной русской пѣсни, точно такъ же, какъ живопись Васнецова и Нестерова — отъ подлинной русской иконы.

Такъ обстоитъ дѣло съ верхнимъ этажемъ зданія русской культуры. Русскіе культурные верхи всегда жили культурными традиціями, рецепированными сначала отъ Византіи, потомъ — съ романогерманскаго запада, болѣе или менѣе органически перерабатывая эти традиціи. Правда, переработанныя верхами иноземныя традиціи проникали и внизъ, въ народъ. Особенно сильно проникли въ народную массу традиціи византійскаго, восточнаго православія, окрасившія всю духовную жизнь народа въ опредѣленный тонъ, но это восточное православіе, соприкоснувшись съ народной русской стихіей, настолько преобразовалось, что специфически-византійскія черты въ немъ сильно потускнѣли. Западная культура въ народную массу проникала гораздо слабѣе, не затрагивая глубинъ народной души. Поэтому рецепція романогерманской культуры и вызвала между верхнимъ и нижнимъ этажемъ зданія русской культуры такую принципиальную несоразмѣрность, которой не было, когда верхи рецепировали культуру византійскую. Но византійскими и романогерманскими традиціями не исчерпывается культурный или этнографическій обликъ русской народной стихіи. Въ русскомъ образованномъ обществѣ распространено убѣжденіе, что своеобразныя черты этого облика являются „славянскими“. Это не вѣрно. Та культура (въ смыслѣ общаго запаса культурныхъ цѣнностей, удовлетворяющихъ матеріальныя и духовныя потребности данной среды), которой всегда жилъ русскій народъ, съ этнографической точки зрѣнія, представляетъ изъ себя совершенно особую величину, которую нельзя включить безъ остатка въ какую либо болѣе широкую группу культуръ или культурную зону. Въ общемъ, эта культура есть сама особая „зона“, въ которую, кромѣ русскихъ, входятъ еще нѣкоторые угрофинскіе „инородцы“, вмѣстѣ съ тюрками волжскаго бассейна. Съ незамѣтной постепенностью эта культура на востокъ и юго-востокъ соприкасается съ культурой

„степной“ (тюрко-монгольской) и через нее связывается съ другими культурами Азии. На западѣ имѣется тоже постепенный переходъ (черезъ бѣлорусовъ и малороссовъ) къ культурѣ западныхъ славянъ, соприкасающейся съ романогерманской, и къ культурѣ „балканской“. Но эта связь съ славянскими культурами вовсе уже не такъ сильна и уравнивается сильными связями съ „востокомъ“. По цѣлому ряду вопросовъ русская народная культура примыкаетъ именно къ востоку, такъ что граница „востока“ и „запада“ иной разъ проходитъ именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся съ русскими не потому, что и тѣ и другіе — славяне, а потому, что и тѣ и другіе испытали сильное тюркское вліяніе.

Эта особенность русской стихіи сказывается ярко въ народномъ художественномъ творчествѣ. Значительная часть великорусскихъ народныхъ пѣсней (въ томъ числѣ стариннѣйшихъ, обрядовыхъ и свадебныхъ) составлены въ такъ называемой „пятитонной“ или „индокитайской“ гаммѣ, т. е. какъ бы въ мажорномъ звукорядѣ съ пропускомъ четвертой и седьмой ступени.¹⁾ Эта гамма существуетъ (при томъ, въ качествѣ единственной) у финскихъ и тюркскихъ племенъ бассейна Волги и Камы, далѣе у башкиръ, у сибирскихъ „татаръ“, у тюрковъ русскаго и китайскаго Туркестана, у всѣхъ монголовъ, Повидимому, эта гамма нѣкогда существовала и въ Китаѣ: по крайней мѣрѣ, китайская теорія музыки предполагаетъ ея существованіе и принятая въ Китаѣ нотация основана на ней.²⁾ Въ Сіамѣ, Бирмѣ, Комбоджѣ и Индокитаѣ она господствуетъ и сейчасъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ непрерывную линію, идущую съ востока. На великороссахъ эта линія обрывается. У малороссовъ пятитонная гамма встрѣчается лишь въ очень рѣдкихъ старинныхъ пѣсняхъ, у прочихъ славянъ отмѣчены лишь единичные случаи ея примѣненія, у романцевъ и германцевъ ея нѣтъ вовсе, и только на крайнемъ сѣверо-западѣ Европы у британскихъ кельтовъ (шотландцевъ, ирландцевъ и бретонцевъ) она опять выступаетъ. Въ

¹⁾ Для читателей, незнакомыхъ съ теоріей музыки, укажемъ, что эта гамма получится, если перебирать „черная“ клавиши на роялѣ. Изъ извѣстныхъ русской публикѣ „культурныхъ“ произведеній, написанныхъ въ этой гаммѣ, можно указать романсъ Рахманинова „Сирень“.

²⁾ При исполненіи, однако, происходитъ транспонированіе, въ результатѣ котораго получается гамма въ четыре тона. Напримѣръ, мелодія „написана“ въ гаммѣ до, ре, ми, соль, ля, а при исполненіи вмѣсто соль и ля берутъ ля бемоль, для „соль“ на октаву выше, чѣмъ для „ля“.

ритмическомъ отношеніи русская пѣснь тоже существенно отличается не только отъ романогерманской, но и отъ славянскихъ, хотя бы напимѣръ совершеннымъ отсутствіемъ трехдольныхъ ритмовъ (ритма вальса или мазурки). Отъ Азіи русскую пѣснь отдѣляетъ то, что большинство „азіатовъ“ поютъ въ унисонъ („вторъ“ изъ всей Азіи извѣстенъ, кажется, лишь камчадаламъ). Но русская пѣснь въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя переходное звено: голосоведеніе русскаго хора полифоническое, пѣсни унисонныя нерѣдки, а „запѣвало“ въ извѣстныхъ категоріяхъ хоровыхъ пѣсенъ даже обязательнъ.

Такое же своеобразіе представляетъ и другой видъ „ритмическаго искусства“ — танцы. Романогерманскіе танцы отличаются обязательной наличностью пары „кавалера“ и „дамы“, танцующихъ одновременно и держащихся другъ за друга. что даетъ имъ возможность производить ритмическія движенія однѣми лишь ногами, при чемъ самыя эти движенія („па“) и у „кавалера“ и у „дамы“ одинаковы. Въ русскихъ танцахъ ничего подобнаго нѣтъ. Пара необязательна, и даже тамъ, гдѣ танцуютъ двое, эти двое не принадлежатъ непременно къ разнымъ поламъ и могутъ танцевать и не одновременно, а по очереди, во всякомъ случаѣ не держась другъ за друга руками. Благодаря этому, ритмическія движенія могутъ производиться не однѣми ногами, но и руками и плечами. Движенія ногъ у мужчины иныя, чѣмъ у женщины, и характеризуются переступами каблука и пальцевъ. Замѣчается стремленіе къ неподвижности головы, особенно у женщины. Движенія мужчины опредѣленно не предуказаны, и предоставляется большой просторъ импровизации въ рамкахъ опредѣленнаго ритма; движенія женщины представляютъ изъ себя стилизованую походку. Плясовой мотивъ является короткой музыкальной фразой, ритмъ которой достаточно отчетаненъ, но даетъ большой просторъ вариационной разработкѣ. Всѣ эти особенности встрѣчаются и у восточныхъ финновъ, у тюрковъ, монголовъ, у кавказцевъ (впрочемъ на сѣверномъ Кавказѣ есть танцы и парные, при которыхъ танцующіе держатся другъ за друга) и у многихъ другихъ „азіатовъ“¹⁾.

¹⁾ Кромѣ „солннихъ“ танцевъ вышеописаннаго типа, русскіе знаютъ и типъ хороваго танца. Однако этотъ послѣдній типъ у русскихъ имѣетъ совершенно другой видъ, чѣмъ у славянъ, романогерманцевъ и нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ. Строго говоря, русскій хоровадь не есть „танецъ“ въ истинномъ смыслѣ этого слова, ибо никакихъ „па“ участники хоровада не производятъ и даже переступаютъ ногами не обязательно „въ тактъ“ музыкѣ. Это скорѣе видъ „игры“ или обрядоваго дѣйствія, въ которомъ главную роль играетъ хорова пѣснь.

Въ отличіе отъ романогерманскихъ танцевъ, въ которыхъ постоянное прикосновеніе кавалера къ дамѣ при бѣдности техническихъ средствъ самаго танца вноситъ опредѣленный сексуальный элементъ, руско-азиатскіе танцы носятъ скорѣе характеръ состязанія въ ловкости и въ ритмической дисциплинѣ тѣла. Участіе зрителей, инстинктивно притоптывающихъ, присвистывающихъ и вскрикивающихъ, еще повышаетъ ритмическій паѳосъ. Въ Европѣ только испанцы знаютъ нѣчто подобное, но по всей вѣроятности это объясняется и у нихъ „восточнымъ“ (мавританскимъ и цыганскимъ) вліяніемъ. Что касается до славянъ, то они въ отношеніи хореографическаго искусства не примыкаютъ къ Россіи; только болгарская „рженица“ воспроизводитъ до извѣстной степени русско-азіатскій типъ, несомнѣнно подъ „восточнымъ“ вліяніемъ.

Въ области орнамента (рѣзба, вышивка) великорусская народная культура имѣетъ свой самобытный стиль, который черезъ малороссовъ связывается съ Балканами, а черезъ угрофинновъ—съ востокомъ. Въ этой области имѣлись повидимому довольно сложныя перекрестныя вліянія, которыя предстоитъ еще выяснитъ путемъ научнаго анализа. Къ сожалѣнію, наука объ орнаментѣ до сихъ поръ не вышла еще изъ зачаточнаго состоянія и не выработала сколько нибудь цѣлесообразныхъ пріемовъ классификаціи, которые позволяли бы устанавливать объективное родство разныхъ орнаментовъ между собой. Поэтому невозможно опредѣлить, въ чемъ именно заключается различіе русскаго орнамента отъ западно-славянскаго и романогерманскаго, хотя это различіе, тѣмъ не менѣе, чувствуется довольно ярко.

Въ области народной словесности великоруссы представляются вполне оригинальными. Стиль русской сказки не встрѣчаетъ параллелей ни у романогерманцевъ, ни у славянъ, но за то имѣетъ аналогіи у тюрковъ и кавказцевъ. Восточнофинскія сказки въ отношеніи стиля находятся вполне подъ русскимъ вліяніемъ. Русскій эпосъ по своимъ сюжетамъ связанъ и съ „туранскимъ“ востокомъ, и съ Византіей, а отчасти и съ романогерманскимъ міромъ. Но по формѣ онъ вполне оригиналенъ, во всякомъ случаѣ не обнаруживаетъ никакихъ „западныхъ“ чертъ. Въ формальномъ отношеніи можно говорить лишь о довольно слабой связи съ балканскимъ славянствомъ и о довольно сильной связи со степнымъ, „ордынскимъ“ эпосомъ.

О матеріальной культурѣ русскаго народа можно сказать лишь то, что отъ культуры степныхъ кочевниковъ она естест-

венно очень отличается и что она скорѣе связана съ западно-и южно-славянскими культурами. Но одно все таки несомнѣнно, это что въ отношеніи матеріальной культуры большинство финнскихъ народовъ (кромя бродячихъ и кочевыхъ) представляютъ съ великороссами какъ бы единое цѣлое. Къ сожалѣнію, детальныхъ этнографическихъ изслѣдованій въ области отдѣльныхъ сторонъ народнаго русскаго матеріальнаго быта до сихъ поръ было очень мало. Преобладали диллетантскія работы. Къ стыду нашему мы должны признать, что матеріальная культура финнскихъ инородцевъ, особенно благодаря трудамъ финляндскихъ этнографовъ, изучена куда лучше. Роль угрофиннскаго и восточнославянскаго элементовъ въ созданіи того типа культуры, который можно назвать русско-финнскимъ, остается неполнѣ выясненнымъ. Полагаютъ, что въ области рыболовной техники вліяющей стороной были угрофинны, а въ области постройки жилища — восточные славяне. Въ русско-финнскомъ костюмѣ есть нѣсколько характерныхъ общихъ чертъ (лапти, косоворотка, женскій головной уборъ), неизвѣстныхъ романогерманцамъ и славянамъ (лапти существуютъ у литовцевъ). Но происхожденіе всѣхъ этихъ элементовъ до сихъ поръ еще нельзя считать вполне выясненнымъ.

Такимъ образомъ, въ этнографическомъ отношеніи русскій народъ не является исключительно представителемъ „славянства“. Русскіе вмѣстѣ съ угрофиннами и съ волжскими тюрками составляютъ особую культурную зону, имѣющую связи и съ славянствомъ и съ „туранскимъ“ востокомъ, при чемъ трудно сказать, которая изъ этихъ связей прочнѣе и сильнѣе. Связь русскихъ съ „туранцами“ закрѣплена не только этнографически, но и антропологически, ибо въ русскихъ жилахъ несомнѣнно течетъ, кромѣ славянской и угрофиннской, и тюркская кровь. Въ народномъ характерѣ русскихъ безусловно есть какія то точки соприкосновенія съ „туранскимъ востокомъ“. То братаніе и взаимное пониманіе, которое такъ легко устанавливается между нами и этими „азиатами“, основано на этихъ невидимыхъ нитяхъ расовой симпатіи. Русскій національный характеръ впрочемъ достаточно сильно отличается какъ отъ угрофиннскаго, такъ и отъ тюркскаго, но въ то же время онъ рѣшительно не похожъ и на національный характеръ другихъ славянъ. Цѣлый рядъ чертъ, которыя русскій народъ въ себѣ особенно цѣнитъ, не имѣютъ никакого эквивалента въ славянскомъ моральномъ обликѣ. Наклонность къ созерцательности и приверженность къ обряду, характеризующія русское благочес-

тіе, формально базируются на византійскихъ традиціяхъ, но, тѣмъ не менѣе, совершенно чужды другимъ православнымъ славянамъ и скорѣе связываютъ Россію съ неправославнымъ востокомъ. „Удаль“, цѣнямая русскимъ народомъ въ его герояхъ, есть добродѣтель чисто степная, понятная тюркамъ, но не понятная ни романогерманцамъ, ни славянамъ.

Своеобразіе психологическаго и этнографическаго облика русской народной стихіи должно быть принято во вниманіе при всякомъ построеніи новой русской культуры. Вѣдь эта стихія призвана быть нижнимъ этажемъ зданія русской культуры, и для того, чтобы такое зданіе было прочно, нужно, чтобы верхняя часть постройки соотвѣтствовала нижней, чтобы между верхомъ и низомъ не было принципиальнаго сдвига или излома. Пока зданіе русской культуры завершалось византійскимъ куполомъ, такая устойчивость существовала. Но съ тѣхъ поръ какъ этотъ куполь сталъ замѣняться верхнимъ этажемъ романогерманской конструкціи, всякая устойчивость и соразмѣрность частей зданія утратилась, верхъ сталъ все болѣе и болѣе накреняться и, наконецъ, рухнуть, а мы, русскіе интеллигенты, потратившіе, столько труда и силъ на подпираніе валящейся съ русскихъ стѣнъ неприлаженной къ нимъ романогерманской крыши, — стоимъ въ изумленіи передъ этой гигантской развалиной и все думаемъ о томъ, какъ бы опять выстроить новую крышу, опять того же, романогерманскаго образца. Эти планы слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть. Чтобы прочно утвердиться на русской почвѣ, верхи русской культуры во всякомъ случаѣ не должны быть специфически романогерманскими. Возвратъ къ византійскѣмъ традиціямъ, конечно, невозможенъ. Правда, тотъ единственный уголокъ русской жизни, та часть зданія русской культуры, въ которой византійскія традиціи не были вполне вытѣснены „европеизаціей“, русская православная Церковь — оказалась поразительно живучей и во время общаго крушенія не только не рухнула, но вновь приняла свою исконную форму, перестроившись опять по образцу, унаслѣдованному изъ Византіи. Въ будущемъ византійскій элементъ русской культуры, исходя именно изъ церковной традиціи, м. б., даже будетъ усиливаться. Но думать о полномъ переустройствѣ русской жизни на старѣхъ византійскихъ началахъ въ ихъ чистомъ видѣ, конечно, невозможно. И не потому только, что два съ половиной вѣка усиленной европеизаціи не прошли для Россіи безслѣдно, но и потому, что даже въ XVII вѣкѣ, когда патріархъ Никонъ

рѣшили усилить византійскій элементъ русской жизни и приблизить русское благочестіе къ его византійскому образцу, этотъ образецъ значительной частью русскаго народа уже былъ воспринять, какъ нѣчто иноземное, и вызвалъ расколъ. Позднѣе тотъ же расколъ обратилъ остріе своего протеста противъ европеизаціи. Въ русскомъ расколѣ съ тѣхъ поръ воплощается стремленіе русской народной стихіи къ саѹобытной культурѣ, направленное, м. б. по ложному пути и обреченное заранѣе на неудачу, вслѣдствіе того, что оно имѣетъ лишь низы, но не имѣетъ культурнаго верха. Но въ путяхъ раскола все таки чувствуется проявленіе здороваго національнаго инстинкта русской стихіи, протестующей противъ искусственно надѣтаго на нее чужога культурнаго верха. И потому то глубоко знаменательно, что Емельянъ Пугачевъ, стоя подѣ знаменемъ старообрядчества, отвергающаго „паганыхъ латинянъ и лютеровъ“, не находилъ ничего предосудительнаго въ объединеніи съ башкирами и прочими представителями не только инославнаго, но даже иновѣрнаго туранскаго востока.

Въ этихъ подсознательныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ русской народной стихіи и надо черпать указанія для постройки зданія русской культуры. Мы исповѣдуемъ восточное православіе, и это православіе сообразно со свойствами нашей національной психики должно занять въ нашей культурѣ первенствующее положеніе, вліяя на многія стороны русской жизни. Вмѣстѣ съ вѣрой мы получили изъ Византіи много культурныхъ традицій, которыя въ старину сѹумѣли творчески развить и приспособить къ нашимъ, русскимъ. Пусть работа въ этомъ направленіи будетъ продолжаться. Но этимъ дѣло не исчерпывается. Нельзя все уложить въ византійскія рамки. Мы не византійцы, а русскіе и для того, чтобы русская культура была вполнѣ „нашей“, нужно, чтобы она была тѣснѣе связана съ своеобразнымъ психологическимъ и этнографическимъ обликомъ русской народной стихіи. И тутъ то надо имѣть въ виду особыя свойства этого облика. Много говорили о томъ, что историческая миссія Россіи состоитъ въ объединеніи нашихъ „братьевъ“ славянъ. При этомъ обычно забывали, что нашими „братьями“, (если не по языку и по вѣрѣ, то по крови, характеру и культурѣ) являются не только славяне, но и туранцы, и что фактически Россія уже объединила подѣ сѣнью своей государственности значительную часть „туранскаго востока“. Опыты христіанизаціи этихъ „инородцевъ“ до сихъ поръ были

очень мало удачны. А, слѣдовательно, для того, чтобы верхи русской культуры находились въ соответствіи съ особымъ положеніемъ этнографической зоны русской стихіи, необходимо, чтобы русская культура не исчерпывалась восточнымъ православіемъ, а выявляла бы и тѣ черты своей основной народной стихіи, которыя способны сплотить въ одно культурное цѣлое разнородныя племена, исторически связанныя съ судьбой русскаго народа. Это не означаетъ, конечно, чтобы лапти или пятитонная гамма непременно сдѣлались неотъемлемой принадлежностью верховъ русской культуры. Предсказывать и предписывать конкретныя формы имѣющей появиться новой русской культуры вообще невозможно. Но все же отличіе верховъ отъ низовъ должно опредѣляться не тяготѣніемъ къ двумъ различнымъ этнографическимъ зонамъ, а степенью культурной разработки и детализаціи элементовъ единой культуры. Русская культура, въ смыслѣ завершенія культурнаго зданія, должна вырастать органически изъ основанія русской стихіи.

Кн. Н. С. Трубецкой.
